

А. С. Иванов, Н. А. Михалев

«Ведомственные» спецпереселения в годы Великой Отечественной войны: механизм проведения и значение (на материалах Северо-Западной Сибири)

Иванов

Александр Сергеевич

канд. ист. наук,
ст. науч. сотр.,
Тюменский
государственный
университет (Тюмень,
Россия)

Михалев

Николай Анатольевич

канд. ист. наук,
ст. науч. сотр.,
Тюменский
государственный
университет (Тюмень,
Россия)

Финансирование

Исследование
выполнено при
поддержке Российского
научного фонда (РНФ),
проект № 20-78-10010
«Ведомственность как
фактор в истории
освоения
Российского Севера
(1930–1980-е гг.):
регионализм,
конфликты интересов,
институциональные
структуры
и идентификационные
стратегии»

В годы Великой Отечественной войны советская система мобилизации трудовых ресурсов функционировала в крайнем напряжении. По образному выражению В. Голдман и Д. Фильцера, советская экономика в это время стала напоминать «гигантскую реанимацию», а государство в лице Комитета по учету и распределению рабочей силы при СНК СССР — «доктора», которому приходилось «лихорадочно» выбирать, кому из «соперничавших друг с другом индустриальных пациентов» оказать помощь (то есть предоставить рабочих) первому¹.

При этом существование в стране «обширной и многогранной системы принудительного труда»² неизбежно делало ГУЛАГ обязательным элементом процесса мобилизации и резко увеличивало роль различных категорий спецконтингента в общем балансе трудовых ресурсов. В. А. Кравченко, в 1942–1943 гг. начальник отдела военного снабжения СНК РСФСР, впоследствии вспоминал ответ, который получил от одного из руководителей ГУЛАГа, требуя от него предоставления дополнительной рабочей силы: «Но, товарищ Кравченко, будьте благоразумны... В конце концов не только ваш Совнарком поднимает вой из-за рабочих. Государственный Комитет Обороны требует их, товарищ Микоян делает нам несчастную жизнь, Маленкову и Вознесенскому нужны рабочие, Ворошилов требует рабочих для строительства дорог. Каждый, естественно, думает, что его работа наиболее важна. ... Требование превышает наличность»³.

Одним из ведомств-пользователей принудительного труда в период войны оказался Наркомат рыбной

промышленности СССР. Принятое 6 января 1942 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) Постановление № 19сс «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке» включило развитие этой отрасли в перечень государственных приоритетов. Требовалось «приступить немедленно к организации и расширению рыбных промыслов в бассейнах рек Оби, Иртыша, Енисея, Лены, Селенги, Ангары, Баргузина, Амура и их притоков, Обской и Байдарацкой губ, Гыданского и Енисейского заливов... с тем, чтобы весной 1942 г. уже был развернут массовый лов рыбы в этих бассейнах»⁴. Для реализации этой задачи создавался целый ряд специализированных хозяйственных структур, в том числе и Омский рыбопромышленный трест (центр — пос. Самарово), в сферу деятельности которого были включены промыслы, располагавшиеся в Северо-Западной Сибири. Секретная часть постановления уточняла, чьими силами будет осуществляться освоение этих ресурсов, предписывая в первом полугодии 1942 г. «переселить в районы низовья Оби, Байдарацкой, Тазовской и Обской губ и Гыданского залива 10 тыс. чел. и в 1943 г. — 3 тыс. чел. спецпереселенцев для использования их на лову и предприятиях рыбной промышленности»⁵. На фоне заметно возросшего в годы войны числа скандалов, связанных с ведомственностью, местничеством и нелегальным захватом ресурсов (материальных и людских)⁶, этот документ четко устанавливал источник рабочей силы для нужд конкретной отрасли промышленности, каковым должны были стать спецпереселенцы. Целью настоящей статьи является характеристика механизма таких целевых «ведомственных» принудительных переселений и определение их значения для регионов-реципиентов на примере Северо-Западной Сибири в составе Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов Омской (с августа 1944 г. — Тюменской) области.

Обращение к проблеме спецпереселений имеет особое значение. Внутренние насильственные перемещения населения являлись одной из главных характеристик системы миграций в СССР 1930–1950-х гг. Нигде и никогда ранее депортации различных групп населения не проводились с таким размахом в рамках функционирования административно-карательной системы государства, принуждавшей людей ценой огромных жертв заселять и осваивать новые необжитые территории⁷. В регионах России, ставших местами наиболее активного заселения (таких, как Западно-Сибирский Север), бывшие спецпереселенцы и их потомки до сих пор составляют значительную часть жителей. Выявление особенностей принудительных перемещений населения в этом случае будет, таким образом, способствовать уточнению специфики региональной политики в отношении северных территорий, позволит более полно оценить ее влияние на их хозяйственно-экономическое развитие и рисунок местного социума.

Историография истории принудительных миграций населения СССР обширна⁸. Ее составной частью являются работы, посвященные спецпоселенцам в Северной и Западной Сибири военных лет⁹. Эпизодически проблема насильственных переселений затрагивается при исследовании деятельности ГУЛАГа и экономики принудительного труда¹⁰, а также функционирования партийно-государственной системы власти в период войны¹¹. При этом авторы уделяют

основное внимание реконструкции механизма первичных спецпереселений, описывая причины и ход депортации различных этнических групп с мест их постоянного жительства. Отмечается, что решение экономических проблем, возникших в военное время, являлось одной из задач насильственных миграций. Однако при анализе использования труда спецпереселенцев, как правило, лишь указывается, что последние «передавались» различным хозяйственным организациям, «трудоустраиваясь» там, где наблюдался недостаток рабочих рук. Упоминается, что постановление от 6 января сделало их работниками предприятий рыбной промышленности северных национальных округов¹². Однако вопросы, связанные с особенностями проведения санкционированных данным документом спецпереселений и его последствиями для регионов, не рассматриваются.

24 января 1942 г., после выхода постановления № 19сс, НКВД, на который была возложена организация переселений, проинформировало свои управления в соответствующих регионах о порядке выполнения этой задачи. Принимая во внимание «большую насыщенность Новосибирской, Омской областей и Красноярского края трудпоселенцами и ссыльнопоселенцами, а также отсутствие свободных спецконтингентов в других краях и областях и нецелесообразность их завоза, загрузки железнодорожного транспорта», ведомство предложило УНКВД перечисленных регионов «отобрать необходимое количество трудпоселенцев и ссыльнопоселенцев внутри своих областей». Кроме того, «в целях пополнения спецконтингентов и обеспечения плана переселения их на рыбные промыслы» в Сибирь направлялись финны, немцы и административно высланные из Ленинграда и Ленинградской области¹³.

Месяц с небольшим спустя, 4 февраля 1942 г., последовало постановление Омского обкома ВКП(б) и исполкома облсовета депутатов трудящихся «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Омской области», которым местные органы власти обязывались создать условия для приема семей переселенцев. К началу марта соответствующие решения были приняты и на уровне национальных округов, которые должны были стать основным районом размещения спецпереселенцев в области. Согласно планам, утвержденным Ханты-Мансийским и Ямало-Ненецким окружками ВКП(б), в Югре готовились принять 4 тыс., а на Ямале — 6 тыс. только трудоспособных рабочих¹⁴.

Из хронологического ряда документов, регламентирующих проведение депортаций 1942 г. и размещение спецпереселенцев в северных национальных округах, выбивается совместное постановление Омского обкома и облисполкома от 28 сентября 1942 г. «О приеме и расселении 10 тысяч спецпереселенцев в северные районы области»¹⁵. Несмотря на название, постановление регламентировало организацию расселения и приема спецконтингентов только в одном из северных округов: было принято решение «принять и расселить в Ханты-Мансийском округе 10 тысяч человек спецпереселенцев». Эту цифру Л. Ф. Гизатуллина приняла за количество спецпереселенцев, завезенных в 1942 г.¹⁶ Однако документ был принят в связи с одобрением 21 сентября 1942 г. СНК СССР ходатайства региона на дополнительное переселение на север из южных районов области. Поскольку завершавшийся в то время

навигационный период не позволял осуществить переброску сразу всех 10 тыс. чел., СНК дал разрешение в навигацию 1942 г. переселить 1 тыс. чел., а оставшиеся 9 тыс. чел. перебросить весной 1943 г.¹⁷

Непосредственное начало спецпереселения на север можно датировать 26 мая 1942 г., когда из Омска в Березовский район Ханты-Мансийского округа отправился «Ленин» — первый пароход с переселенцами на борту. Два дня спустя в Салехард из Тюмени вышло судно «Гусихин»¹⁸.

Передача депортированных осуществлялась в три этапа. Пароходы, следующие с юга области, прибывали в Самарово, где представители конвойных войск НКВД передавали спецконтингент в распоряжение Омгосрыбтреста. В Самарово оформлялись акты приема-передачи. Приведем выдержки из подобного документа, оформленного при передаче переселенцев с судна, следовавшего из Омска в июне 1942 г.

Акт сдачи эшелона спецпереселенцев

... 15 июня 1942 года 15 дня эшелон пересыльных принят Омск — Кировск[,] конвоируемый конвоем 133 отдельного батальона 45 бригады К[онвойных]В[ойск] НКВД[,] в «Рыбтрест» по пристаням: Самарово, Сытомино, Тундрино, Сургут, Локосово, Покур по наряду ГУЛАГа НКВД № 101460 и согласно распоряжения командира 45 бригады К[онвойных]В[ойск] НКВД № 01465 сдан полностью в распоряжение «Рыбтреста»: Самарово 45 чел., Сытомино 165 чел., Тундрино 112 чел., Сургут 149 чел., Локосово 84 чел., Покур 97 чел. Общее число пересыльных[,] сданных по спискам и акту[,] — 646¹⁹... В чем и составили настоящий акт. Сдал: нач. эшелона конвоя мл. лейтенант *Гилязетдинов*
нач. эшелона спецпереселенцев *Зиневич*
Принял: уполномоченный Рыбтреста *Матюшина*²⁰

Необходимо уточнить, что начальником эшелона спецпереселенцев являлся представитель отдела трудовых и спецпоселений УНКВД по Омской области²¹. Обращает на себя внимание и то, что составители документа так и не смогли определиться с точным количеством людей, которое они передали. При сложении показателей по отдельным пристаням получаем 652, а не 646, как указано в акте. Поэтому неудивительно, что одной из серьезных проблем, стоящих перед исследователями, является установление точной численности размещенных в регионе переселенцев.

Затем пароход проследовал дальше по намеченному маршруту уже с уполномоченным представителем Омгосрыбтреста на борту. Представитель треста мог, исходя из конкретных условий, менять места высадки и количество передаваемых спецпереселенцев²². По прибытии к намеченной пристани с представителями предприятий составлялись аналогичные акты. Уполномоченный представитель треста передавал контингент в распоряжение конкретных предприятий, как это произошло 12 июля в Сытомино, где уполномоченная рыбтреста Шишкина передала 118 спецпереселенцев заместителю директора Сургутского рыбозавода Вараксину²³. Рыбзаводы как основные получатели рабочей силы также ранжировались. Поэтому на практике существовал еще один этап — передача от завода заводу. Так, представители Сургутского рыбозавода после приема спецпереселенцев от уполномоченных

треста передали часть контингента на работу на Локосовский и Сытоминский заводы, за которыми депортанты и были окончательно закреплены²⁴. Если в Ханты-Мансийском округе центром, откуда происходило распределение спецпереселенцев по территории округа, было Самарово, то на Ямале местом концентрации депортированных стал Салехард, откуда после санитарной обработки и фильтрации (отбора) переселенцы направлялись по пунктам расселения в глубинные районы округа²⁵.

Таблица 1

Численность спецпереселенцев, переданных Омскому госрыбтресту в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком округах на 01.01.1943, чел.

Национальный округ	По сведениям завозящих органов		По сведениям группы переселения Омгосрыбтреста			
	Общее количество	Трудо-способные	Общее количество	Трудо-способные	Передано колхозам	Передано другим организациям
Ханты-Мансийский	6994	4639	6924	4240	779	535
Ямало-Ненецкий	6628	5007	6589	4302	45	292
Итого	13 622	9646	13 513	8542	824	827

Составлено по: ГА ЯНАО. Ф. 274. Оп. 1. Д. 25. Л. 118.

Завоз переселенцев на север Омской области производился с конца мая по октябрь 1942 г. На 1 января 1943 г., по данным Омгосрыбтреста, на территории Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского округов насчитывалось 13 513 спецпереселенцев, в том числе в Югре — 6924 чел., на Ямале — 6589 чел. (табл. 1). Это позволяло при подведении итогов «переселения на рыбу» считать план 1942 г. по Омской области (10 тыс. чел.) выполненным в полном объеме²⁶. Переселенцы передавались организациям треста (рыбзаводам, консервным комбинатам и др.), эти предприятия, в свою очередь, по согласованию с трестом могли передавать их в рыболовецкие колхозы или другие организации²⁷. По этой причине в «трестовской» статистике значились 827 чел., переданных организациям, не относящимся к рыбной промышленности (535 чел. в Ханты-Мансийском округе и 292 чел. — в Ямало-Ненецком). При этом система учета расселения и трудоустройства завезенного контингента внутри самого Омгосрыбтреста была налажена далеко не сразу. В частности, поздней осенью 1942 г. начальник переселенческого отдела треста описывал ее следующим образом: «Нам списки не нужны, людей мы передали по актам директорам рыбзаводов, они теперь полные хозяева, какое наше дело, где их используют»²⁸.

Особенность «переписки по переселению», отложившейся на региональном уровне, заключается в отсутствии указания на категорию переселенцев. В документах они именуются как «спецпереселенцы, завезенные в навигацию 1942 г.» или «переселенцы 1942 г.»²⁹. Однако, как следует из приведенных

выше данных НКВД, в состав предполагаемого к переселению на рыбные промыслы севера контингента были включены три категории: трудпоселенцы, ссыльнопоселенцы и непосредственно спецпереселенцы. Представители двух первых категорий к началу 1942 г. уже были размещены на территории области. Представители же третьей перевезены в регион только во втором квартале 1942 г. Основная их часть (6247 чел.) прибыла в Омскую область к маю в четырех спецэшелонах: № 302 — 1488 чел., № м/305 — 1366 чел., № 316 — 1147 чел., № 315 — 2246 чел.³⁰

Согласно справке «О расселении спецконтингентов НКВД СССР» от 2 июня 1942 г., подготовленной отделом спецпереселений, в Омской области находилось семь категорий переселенцев общей численностью 148 417 чел.:

- 1) трудпоселенцы — 9173 семьи — 35 287 чел.;
- 2) ссыльнопоселенцы из Молдавской ССР и западных областей Украинской и Белорусской ССР — 2377 семей — 11 556 чел.;
- 3) беженцы из занятой немцами территории Польши — 777 семей — 1579 чел.;
- 4) осадники и лесники из западных областей Украинской и Белорусской ССР — 2478 семей — 6864 чел.;
- 5) немцы-переселенцы — 85 929 чел.;
- 6) финны-спецпереселенцы — 3602 чел.;
- 7) административно высланные — 3500 чел.³¹

Именно из них происходил «отбор» тех, кто отправлялся в северные округа. Причем этот «отбор» проходил с серьезными трудностями. Проблемы начались при приеме спецпереселенцев из Ленинграда и Ленинградской области, «качественный состав» которых совсем не соответствовал суровым условиям севера, где им предстояло жить и работать. Старший уполномоченный лейтенант Зубрилов, командированный 23 марта 1942 г. в Омскую область с целью проведения подготовительных мероприятий к переселению спецконтингентов на рыбные промыслы и оказания помощи местным органам НКВД, отчитываясь перед Москвой о проделанной работе, отмечал, что большинство переселенцев были «сильно истощены и по прибытии работать не могли». Об этом свидетельствовала и «большая смертность на этой почве в пути их следования»: только с одного эшелона № 315 на разных железнодорожных станциях было снято 202 трупа. Из 1313 чел., прибывших в эшелоне № 302, оказалось 966 трудоспособных и 347 иждивенцев, остальные 175 чел. из этого эшелона были сразу госпитализированы. Из 558 чел. эшелона № 316, временно расселенных в Ялutorовском районе, насчитывалось только 308 чел. трудоспособных работников (79 мужчин и 229 женщин), 250 чел. являлись иждивенцами³².

С другими категориями переселенцев дела также обстояли не лучшим образом. В конце марта — начале апреля деятельность Омского управления НКВД по формированию списков переселенцев для северных рыболовецких поселков еще была далека от своего завершения. Согласно имевшимся к этому времени спискам, из трудпоселенцев и ссыльнопоселенцев было «отобрано» около двух тысяч трудоспособных. После произведенной Зубриловым проверки данных списков, поступивших из 32 районов области, выяснилось, что

«отбор был сделан неправильно», в связи с чем региональное УНКВД вынуждено было начать их пересмотр. Главной причиной этой ревизии стало включение в списки большого количества лиц, по возрасту или состоянию здоровья негодных для работы на севере³³.

Пытаясь набрать для переселения требуемые постановлением СНК и ЦК ВКП(б) 10 тыс. чел., УНКВД прибегало и к другим, более изощренным административным схемам. Так, по свидетельству Зубрилова, «однажды в поисках трудоспособных, проживающих в области, тов. Сигарев (помощник начальника УНКВД по Омской области. — Авт.) потребовал от начальника ОТСП [отдела трудовых и специальных поселений] тов. Якуб договор с Омгосрыбтрестом на работающих у них трудпоселенцев и ссыльнопоселенцев и пытался всех их снять, т. е. ликвидировать договор и включить в счет 10 000 трудоспособных». После вмешательства представителя Москвы эта «затея провалилась»³⁴.

По состоянию на 10 июня, согласно данным УНКВД, в северные районы области было отправлено 2738 чел. (в том числе 1737 трудоспособных). К этому же времени Управление завершило общий отбор переселенцев для «комплектования» рыболовецких поселков, имея для этих целей в своем распоряжении резерв из 18 118 чел. (в том числе 9907 трудоспособных, 349 подростков 14–16 лет и 7862 иждивенцев). Соотношение составлявших его категорий предполагалось следующее:

1) прибывшие из Ленинграда и Ленинградской области — всего 5527 чел., включая 3373 трудоспособных, 202 подростка, 1952 иждивенца;

2) ссыльнопоселенцы области — 5281 чел., включая 3394 трудоспособных, 147 подростков, 1740 иждивенцев;

3) трудпоселенцы области — 7310 чел., включая 3140 трудоспособных (ориентировочно), 4170 иждивенцев³⁵.

Как отмечалось ранее, всего по итогам 1942 г. в северные округа Омской области было завезено около 13 тыс. чел. При этом полных сведений о национальном составе основных категорий переселенцев, входивших в их число, равно как и данных о точном соотношении численности этих категорий, обнаружить не удалось.

Исследователи сходятся во мнении, что к 1943 г. советская система мобилизации и распределения трудовых ресурсов оказалась в состоянии кризиса, государство с трудом справлялось с удовлетворением запросов различных ведомств и регионов³⁶. Рыбная промышленность Сибири продолжала рассчитывать на спецпереселения. В 1943 г., как говорилось выше, в соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 6 января 1942 г. в северные округа планировалось переселение 3 тыс. чел., переселение еще 9 тыс. чел. должно было быть осуществлено в соответствии с решением СНК СССР от 21 сентября 1942 г. Всего, таким образом, по состоянию на начало 1943 г. предполагалось отправить «на рыбу» 12 тыс. только трудоспособных работников.

В январе 1943 г. администрацией Ханты-Мансийского округа были даны указания начать подготовку жилой площади для приема новоселов с расчетом закончить эти мероприятия к 1 апреля³⁷. Были составлены проект и план завоза переселенцев³⁸. Однако два месяца спустя, 13 марта, управляющий

Ханты-Мансийским госрыбтрестом³⁹ В. П. Боганов телеграфировал в Москву о том, что «есть опасения, [что] область не сможет выполнить решение Правительства», усматривая причину этого в нежелании областного центра «передать людей»⁴⁰.

Однако проблема заключалась не только в этом. Именно к указанному периоду (первая половина 1943 г.) относится основная часть дошедших до нас актов обследований производственных и жилищно-бытовых условий спецпереселенцев, привезенных в навигацию 1942 г. В этих источниках поднимается целый ряд проблем, характеризующих их бедственное положение. НКВД СССР, обобщая поступающие от региональных управлений сведения о результатах переселения 1942 г., уже с весны 1943 г. начало информировать Наркомат рыбной промышленности СССР, а также СНК СССР и ЦК ВКП(б) о «неудовлетворительном освоении спецконтингентов, переданных в рыбную промышленность в 1942 г.», настаивая на принятии срочных мер. Разворачивая подготовительные мероприятия к переселению 1943 г., ведомство просило хозяйственные организации предоставить ему подробную заявку на новую рабочую силу, включая характеристику состояния жилищного фонда, продовольственной базы и условий работы (обеспеченность орудиями лова и т. д.) по каждому населенному пункту, куда планировалась отправка переселенцев. И лишь при условии получения от Наркомрыбпрома «соответствующих данных о готовности предприятий к приему, расселению и трудовому использованию контингента» НКВД обязывался приступить к переселению в 1943 г.⁴¹

В адрес Ханты-Мансийского треста буквально посыпались предупреждения и предостережения, что закончилось 24 апреля получением в тресте официального уведомления из отдела трудспецпоселений ГУЛАГа НКВД СССР. В нем говорилось: «Согласно сообщения Наркомата Внутренних дел СССР спецконтингент для работы в рыбной промышленности в 1943 году завезен не будет». Далее документ фактически раскрывал причину отказа: в связи с тем, что завоза в 1943 г. не будет, «...необходимо принять все меры к полному освоению спецконтингента, завезенного в 1942 г., улучшив его хозяйственное устройство и создав ему нормальные жилищно-бытовые условия...»⁴². По схожему сценарию, вероятно, развивались события и на Ямале, где «в 1943 г. завоза переселенцев не было, хотя решение о пополнении рыбной промышленности 5000 чел. состоялось»⁴³.

Однако «неполное освоение» вовсе не являлось единственной причиной отказа от переселений в 1943 г. В. П. Боганов не без основания упоминал нежелание Омска «передать людей». В то время как окружной отдел НКВД безуспешно пытался добиться от Ханты-Мансийского госрыбтреста подтверждения готовности принять тех переселенцев, прибытие которых было запланировано еще в 1942 г., областное управление НКВД необходимым количеством «свободных» и годных для работы на севере контингентов просто не располагало. Проблему исчерпания областных ресурсов мог решить только источник извне.

Именно по этой причине Омский обком ВКП(б) и облисполком как минимум дважды (21 февраля и 14 апреля 1943 г.) возбуждали сначала перед НКВД, а затем перед СНК СССР и ЦК ВКП(б) ходатайство о необходимости за-

воза в область дополнительных спецконтингентов. Так, в записке от 14 апреля, отправленной в СНК и ЦК ВКП(б), со ссылкой на данные Омского УНКВД, отмечалось, что из запланированных 12 тыс. чел. «область располагает для переселения спецконтингентом только в количестве 863 чел. трудоспособных и подростков» и что «таким образом необходимо завезти из других областей Союза для выполнения задания Правительства 11 137 чел.». Более того, подписавшие письмо первый секретарь Омского обкома М. А. Кудинов и председатель облисполкома С. И. Евстигнеев полагали, что 12 тыс. чел. будет недостаточно, чтобы полностью удовлетворить потребности хозяйства северных округов. Учитывая «острую нужду в рабочей силе для дальнейшего развития рыбных промыслов, освоения севера, выполнения плана рыбодобычи нынешнего года», они просили «завезти дополнительно в область для расселения в северных районах области 13 тысяч чел. трудоспособного населения»⁴⁴. Другими словами, во втором квартале 1943 г. общая численность планируемых к переселению на север поселенцев могла возрасти до 25 тыс. чел., из которых на территории Омской области в тот момент находилось всего 863 чел.

Однако, как и Омское УНКВД, НКВД СССР во втором квартале 1943 г. свободными контингентами также уже не располагало. В докладной записке заместителя наркома внутренних дел СССР С. Н. Круглова и начальника ГУЛАГа НКВД СССР В. Г. Наседкина от 22 апреля 1943 г. на имя наркома внутренних дел СССР Л. П. Берии по этому поводу, в частности, говорилось:

Основным резервом для переселения в 1942 г. являлся контингент спецпереселенцев-немцев и частично — трудпоселенцев (б[ывшие] кулаки).

В настоящее время производить переброску спецпереселенцев (немцев) нецелесообразно, так как трудоспособная часть из них (159 000 мужчин и 89 000 женщин) в соответствии с Постановлениями ГОКО мобилизована в рабочие колонны и направлена для трудового использования на лесозаготовках, строительстве железных дорог, в предприятиях угольной, нефтяной промышленности, черной и цветной металлургии.

Оставшаяся часть этого контингента не является полноценной рабочей силой, особенно в условиях Крайнего севера, так как в основном состоит из многодетных женщин, подростков и стариков.

Выделить рабочую силу из числа трудпоселенцев (б[ывших] кулаков) не представляется возможным, так как из этого контингента в 1942 г. было мобилизовано в Красную Армию более 60 тыс. чел., передается в настоящее время в рабочие колонны 20 тыс. чел., а остальная часть является основными кадрами предприятий наркоматов угольной, лесной промышленности, черной и цветной металлургии.

После указания на ненадежность жилищного и хозяйственного устройства уже переданных рыбтрестам переселенцев из изложенного следовал закономерный вывод:

В связи с отсутствием необходимых контингентов НКВД СССР не имеет возможности организовать в 1943 г. переселение в районы Крайнего севера...⁴⁵

Именно эта информация, как мы видели, была доведена до сведения руководства Ханты-Мансийского треста в конце апреля 1943 г., положив конец

переписке по данному вопросу и всем подготовительным мероприятиям по приему в округе новой волны переселенцев. Несколько позже, в начале мая, В. Г. Наседкин даст официальное заключение по апрельскому письму Омского обкома и облисполкома, где вновь укажет, что их просьбу о переселении 25 тыс. спецпереселенцев «для использования в районах Крайнего севера в рыбной промышленности НКВД СССР удовлетворить не может»⁴⁶. Это означало окончательный отказ от проведения спецпереселений на всей территории Северо-Западной Сибири в 1943 г.

Интересно отметить, что принудительные миграции оказали существенное влияние на систему снабжения всего населения Северо-Западной Сибири. В конце весны 1942 г. в Москве было утверждено решение, возложившее снабжение всего рыбацкого населения продовольственными и промышленными товарами на систему Райрыболовпотребсоюза. Для северных округов это означало ликвидацию сети прочей райпотребкооперации и полный переход на снабжение через Облрыболовпотребсоюз⁴⁷. Таким образом, одним из последствий целевых «ведомственных» спецпереселений стал межведомственный передел сети снабжения целого региона, ведь еще в конце 1941 г. более половины ссыльного населения (трудпоселенцы) Ханты-Мансийского округа не имели отношения к сети распределения рыбного ведомства⁴⁸. На Ямале монополия рыбного ведомства в деле снабжения населения установилась еще до войны.

Возобновление «ведомственных» переселений на север произошло уже в 1944 г., когда в национальные округа были депортированы спецпереселенцы-калмыки. После ликвидации Калмыцкой АССР они были доставлены в Омскую область в 14 эшелонах⁴⁹. К началу января 1944 г. 19 районов области приняли 27 088 калмыков⁵⁰. Депортированных расселили в 590 населенных пунктах южной части региона⁵¹, где их труд использовался на сельскохозяйственных работах в колхозах, совхозах и, в значительно меньшей степени, в местной и других отраслях промышленности⁵². Ситуация изменилась 30 апреля 1944 г., когда Омским обкомом ВКП(б) и исполкомом облсовета было принято постановление «О переселении спецпереселенцев-калмыков в рыбопромышленные районы области», предусматривавшее вторичное переселение калмыков⁵³. Отpravку на север начали 15 мая и должны были закончить к 15 июня⁵⁴, но фактически переселение затянулось до конца октября. Размещение калмыков было произведено в системе трех рыбопромышленных трестов: Тобольского — 1879 чел.⁵⁵, Ханты-Мансийского — 5999 чел.⁵⁶, Ямало-Ненецкого — 1467 чел.⁵⁷

«Ведомственное» спецпереселение 1944 г., отличалось от аналогичного переселения двухлетней давности существенным усилением позиций проводившего его рыбного ведомства. Теперь вся ответственность за его проведение, в соответствии с постановлением 30 апреля, лежала в первую очередь на представителях рыбопромышленных трестов. На областное управление НКВД возлагались «подъем спецпереселенцев в установленные сроки к местам концентрации и их сопровождение к местам вселения», отбор же переселенцев в местах поселений юга области, в отличие от 1942 г., также возлагался на тресты Наркомрыбпрома⁵⁸.

Другим заметным свидетельством усиления роли рыбной отрасли на региональном уровне стало усложнение структуры трестов за счет появления специализированных подразделений, деятельность которых еще более замыкала всю работу с переселениями и переселенцами непосредственно в рамках трестов. На основании постановления СНК СССР от 25 февраля 1944 г. «О мерах по улучшению хозяйственного и бытового устройства рыбаков-колхозников и рабочих рыбной промышленности Сибирского бассейна» и изданного на его основе приказа Наркомрыбпрома от 14 марта № 160 во втором квартале года в составе Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого рыбопромышленных трестов были созданы собственные строительные конторы и учреждены должности заместителей управляющего по жилищно-бытовому устройству, которые возглавили соответствующие отделы⁵⁹. Эти действия стали ответом на фактический провал завоза готовых домов и их строительство на месте силами стройконтор окружных исполкомов в 1942 г. Теперь тресты не только выполняли обязанности по снабжению населения региона, но и обрели не свойственные им ранее функции жилищного строительства, обеспечивая себе автономию в отношении местных властей и благоприятные позиции в отношениях с другими хозяйствующими субъектами (например, Наркомлесом), оперировавшими на территории Север-Западной Сибири.

Нельзя не отметить, что сразу после завоза калмыков на север начались, как и в случае с переселенцами 1942 г., их дальнейшие перемещения между различными предприятиями и организациями, расположенными как внутри, так и за пределами окружных границ. В результате этих перемещений переселенцы оказывались в организациях, не относящихся к ведению госрыбтрестов. Перечень этих организаций был достаточно обширен и включал в себя районные отделы народного образования, земельные отделы, учреждения спецторга и т. д. Так, к ноябрю 1944 г. только в Ханты-Мансийском округе колхозам было передано 2092 чел. (в том числе 1002 трудоспособных), в другие организации — 261 чел. трудоспособных работников⁶⁰. По всей вероятности, эти микромиграции были вызваны трудностями, с которыми столкнулись местные власти при расселении вновь прибывших переселенцев, прежде всего нехваткой свободных жилых помещений (ими в значительно большем объеме обладали колхозы).

Результатом особого внимания, оказанного государством в годы Великой Отечественной войны развитию рыбной промышленности Сибири и Дальнего Востока, стало заметное увеличение роли Наркомрыбпрома в числе пользователей принудительного труда как в общесоюзном (табл. 2), так и в региональном масштабе (табл. 3). Представленные данные, кроме того, позволяют понять логику выделения в марте 1944 г. отдела спецпоселений НКВД СССР в независимую от «большого» ГУЛАГа структуру⁶¹. Доля спецпоселенцев, работавших на объектах НКВД, неуклонно сокращалась и к концу войны упала ниже 2% от их общего числа. В этой связи ГУЛАГ, как хозяйственное ведомство, не был заинтересован в спецпоселенцах, занимаясь лишь их распределением в пользу других наркоматов. Параллельно менялось отношение к деятельности спецконтингента в рамках наркомата: если в феврале 1942 г. заместитель

Таблица 2

**Трудовое использование труд(спец)поселенцев по наркоматам СССР
в 1941 и 1945 гг.**

Наркомат	Количество труд(спец)поселенцев			
	1 октября 1941 г.		IV квартал 1945 г.	
	Чел.	%	Чел.	%
НКВД	15979	4,34	18839	1,83
Наркомрыбпром	4168	1,13	25248	2,45
Наркомзем	105031	28,56	405430	39,28
Наркомлес	56992	15,5	60108	5,82
Всего	367772	100,0	1032095	100,0

Составлено по: Земсков В. Н.: 1) «Кулацкая ссылка» накануне и в годы Великой Отечественной войны // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 17; 2) Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М., 2005. С. 123–125.

Таблица 3

**Трудовое использование труд(спец)поселенцев по наркоматам СССР
на территории Омской и Тюменской областей в 1941 и 1945 гг.**

Наркомат*	Количество труд(спец)поселенцев			
	III квартал 1941 г.		IV квартал 1945 г.	
	Чел.	%	Чел.	%
Наркомрыбпром	3584	23,8	10261	23,4
Наркомзем	8949	59,4	21631	49,3
Наркомлес	2268	15,0	2298	5,2
Всего	15075	100,0	43908	100,0

* Указаны наркоматы, чьи предприятия составляли основу хозяйства северных национальных округов.

Составлено по: ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 94. Л. 136; Д. 255. Л. 219–486.

начальника ГУЛАГа Г. С. Завгородний рапортует о трудовых успехах депортантов, закрепленных за рыбопромышленными организациями Ямала, то после внутриведомственного раздела начальник ГУЛАГа В. Г. Наседкин в своем докладе о работе ведомства и его вкладе в победу (август 1944 г.) даже не упоминает о спецпоселениях и спецпоселенцах⁶².

Вместе с тем «ведомственные» переселения принесли их получателям и целый ряд проблем. Так, к концу войны стало очевидно, что рыбопромышленное ведомство не в полной мере справлялось с функциями снабжения всего населения Северо-Западной Сибири. Продолжая практиковать ведом-

ственную логику, рыболовецкая кооперация ставила работников рыбной промышленности в приоритетное положение в ущерб всем остальным. К примеру, Самаровский рыбокооп (самый крупный в Ханты-Мансийском округе) с февраля по июнь 1945 г. отоваривал инженерно-технический персонал, работников плавсостава, гослова и спецпереселенцев «по полным нормам», а сотрудников других ведомств — на 50–60 %. С другой стороны, на Полноватском рыбзаводе отпущенный кооперацией лимит не позволил обеспечить даже карточное снабжение рабочих завода в сентябре и декабре 1945 г. Снабжение населения округа характеризовалось управляющим рыбтреста как «нестабильное»⁶³. Ведомственной логики придерживались не только предприятия рыбной отрасли. В первые послевоенные годы возник конфликт между Тюменским отделом социального обеспечения и Ханты-Мансийским рыбтрестом. Областной собес отказался принимать в подведомственные дома инвалидов спецпереселенцев, «предложив» тресту, поскольку депортированные «были завезены» именно ему, построить «собственный дом инвалидов» и «содержать их на свои средства»⁶⁴.

Таким образом, в период войны на фоне нараставшего кризиса советской системы мобилизации трудовых резервов государство, ставя перед рыбной промышленностью повышенные производственные задачи, санкционирует переселения старых и новых категорий спецпоселенцев как средства обеспечения рабочей силой соответствующих предприятий. Выполнение постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 19сс от 6 января 1942 г. привело к увеличению ведомственного веса и усилению роли Наркомрыбпрома в социально-экономическом развитии Северо-Западной Сибири. Его реализация имела следствием не только рост числа работников рыбной отрасли, но и привела к реформированию сети продовольственного и промтоварного снабжения всего населения региона, изменению особенностей централизованного жилищного строительства, за которое (наряду с полным циклом отбора и социально-бытового обеспечения спецконтингентов) стали также отвечать предприятия Наркомата рыбной промышленности.

Вместе с тем обретение Северо-Западной Сибири характеристик моноспециализированной территории, находящейся «под опекой» одного ведомства, не снизило потенциала межведомственных конфликтов. С одной стороны, система Наркомрыбпрома, обремененная широким репертуаром непрофильных функций, продолжала сталкиваться с упреками местных властей в неспособности удовлетворить социально-бытовые нужды новых контингентов работников, а с другой — прочие ведомства стремились снять с себя обязательства в отношении новых контингентов рабочих рыбпрома. Государство же, обеспечив целевые поставки рабочей силы, требовало результатов в виде выполнения увеличенных плановых показателей, чего рыбная промышленность северных округов за годы войны так и не смогла сделать⁶⁵.

¹ *Goldman W. Z., Filtzer D.* Fortress Dark and Stern. The Soviet Home Front during World War II. New York, 2021. P. 248.

² *Bacon E.* The Gulag at War: Stalin's Forced Labour System in the Light of the Archives. London, 1996. P. 124.

³ *Kravchenko V. I Choose Freedom. The Personal and Political Life of a Soviet Official.* London, 1947. P. 405–406.

⁴ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939–1945 гг.: сб. документов / отв. ред. [и авт. предисл.] В. П. Данилов, С. А. Красильников. Новосибирск, 1996. С. 110.

⁵ Там же. С. 112.

⁶ См. подробнее: *Хлевнюк О. В.* Административные практики в советском тылу: между централизацией и автономией // *Советский тыл 1941–1945: повседневная жизнь в годы войны.* М., 2019. С. 266–271.

⁷ История сталинского Гулага: конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: собрание документов: в 7 т. Т. 5: Спецпереселенцы в СССР / отв. ред. и сост. Т. В. Царевская-Дякина. М., 2004. С. 23.

⁸ *Степанов М. Г.* Этнические депортации в СССР: проблемы российской историографии. Абакан, 2010; *Кропачев С. А., Кричко Е. Ф.* Потери населения СССР в 1937–1945 гг.: масштабы и формы. Отечественная историография. М., 2012. С. 153–219. (История сталинизма); *Михалев Н. А.* «Сталинский геноцид» (?): этнические депортации населения СССР 1930–1940-х гг. в оценках современной зарубежной историографии // *Уральский исторический вестник.* 2017. № 4 (57). С. 54–62; *Иванов А. С., Михалев Н. А.* Этнические депортации населения СССР в современной зарубежной историографии // *Вопросы истории.* 2018. № 10. С. 162–175; и др.

⁹ Маргиналы в советском социуме. 1930-е — середина 1950-х годов / отв. ред. С. А. Красильников, А. А. Шадт. 2-е изд. М., 2017. (История сталинизма); *Сарнова В. В.* Принудительные миграции населения СССР в Западную Сибирь в период Второй мировой войны: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2005; *Гизатуллина Л. Ф.* Депортация народов в Северо-Западную Сибирь в 1939–1956 годах: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2005; и др.

¹⁰ *Bacon E.* The Gulag at War...; *Bell W. T.* 1) The Gulag and Total War in Western Siberia, 1940–1945 // *The Soviet Gulag: Evidence, Interpretation, and Comparison* / Ed. by M. David-Fox. Pittsburgh, 2016. P. 114–135; 2) *Stalin's Gulag at War: Forced Labour, Mass Death, and Soviet Victory in the Second World War.* Toronto, 2018; ГУЛАГ: Экономика принудительного труда / отв. ред. Л. Бородкин, П. Грегори, О. Хлевнюк. М., 2005; и др.

¹¹ *Gorlizki Y.* Governing the Interior: Extraordinary Forms of Rule and the Regional Party Apparatus in the Second World War // *Cahiers du Monde russe.* 2011. Vol. 52, no. 2–3. P. 321–339. <https://doi.org/10.4000/monderusse.9337>; *Khlevniuk O.* Decentralizing Dictatorship: Soviet Local Governance during World War II // *The Russian Review.* 2018. Vol. 77, no. 3. P. 470–484.

¹² См., например: *Сарнова В. В.* Принудительные миграции населения СССР в Западную Сибирь... С. 222–224, 236, 252.

¹³ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 9479. Оп. 1. Д. 107. Л. 11–12.

¹⁴ Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (далее — ГАСПИТО). Ф. 107. Оп. 1. Д. 632. Л. 101; Ф. 135. Оп. 1. Д. 246. Л. 42–43; Государственный архив Ямало-Ненецкого автономного округа (далее — ГА ЯНАО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 57. Л. 60–62.

¹⁵ Исторический архив Омской области (далее — ИсА ОО). Ф. П-17. Оп. 1. Д. 3268. Л. 4–6.

¹⁶ *Гизатуллина Л. Ф.* Депортация народов в Северо-Западную Сибирь... С. 58.

¹⁷ ИсА ОО. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 3268. Л. 5; ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 108. Л. 15.

¹⁸ Спецпереселенцы на Обском Севере / публ. подгот. И. И. Ермаков, Е. А. Пантюхина // *Архивы Урала.* 1996. № 2 (4). С. 168.

¹⁹ Число 646 вписано от руки поверх 651; в нижней части документа рукописная помета: «Исправленному верить. Нач. эшелона мл. лейтенант. Подпись».

²⁰ Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (далее — Государственный архив Югры). Ф. 118. Оп. 2. Д. 22. Л. 13.

²¹ Там же. Л. 14.

²² Там же. Д. 2. Л. 53.

²³ Там же. Д. 22. Л. 10.

²⁴ Там же. Л. 85.

²⁵ ГА ЯНАО. Ф. 274 Оп. 1. Д. 25. Л. 3–3 об; ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 109. Л. 201 об.

²⁶ ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 108. Л. 1, 3, 35; и др.

- ²⁷ См. подробнее: Государственный архив Югры. Ф. 118. Оп. 2. Д. 10. Л. 110.
- ²⁸ ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 109. Л. 203.
- ²⁹ См., например: Государственный архив Югры. Ф. 118. Оп. 2. Д. 10. Л. 116, 118; и др.
- ³⁰ ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 109. Л. 99.
- ³¹ Там же. Д. 118. Л. 130.
- ³² Там же. Д. 109. Л. 99.
- ³³ Там же. Л. 99 об. — 100.
- ³⁴ Там же. Л. 100 об.
- ³⁵ Там же. Л. 50, 116.
- ³⁶ *Goldman W. Z., Filtzer D. Fortress Dark and Stern... P. 232, 248 и др; Gornizki Y. Governing the Interior... P. 321.*
- ³⁷ Государственный архив Югры. Ф. 118. Оп. 2. Д. 11. Л. 151.
- ³⁸ Там же. Л. 123, 126.
- ³⁹ В феврале 1943 г. Омский государственный рыбопромышленный трест был разделен на Тобольский, Ханты-Мансийский и Ямальский рыбопромышленные тресты. Управляющим Ханты-Мансийским трестом был назначен Владимир Петрович Боганов, Ямальского — Андрей Сергеевич Засыпкин. См.: ИсА ОО. Ф. П.-17. Оп. 1. Д. 3502. Л. 19–23.
- ⁴⁰ Государственный архив Югры. Ф. 118. Оп. 2. Д. 22. Л. 139.
- ⁴¹ ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 108. Л. 3–4, 16, 72 об.
- ⁴² Государственный архив Югры. Ф. 118. Оп. 2. Д. 2. Л. 49.
- ⁴³ Государственный архив Тюменской области (далее — ГАТО). Ф. Р-1787. Оп. 1. Д. 4а. Л. 22; ГА ЯНАО. Ф. 264. Оп. 1. Д. 145. Л. 115.
- ⁴⁴ ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 108. Л. 33–34.
- ⁴⁵ Там же. Л. 30–31.
- ⁴⁶ Там же. Л. 35. Согласно рукописной помете на документе его можно датировать не позднее 6 мая 1943 г.
- ⁴⁷ ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 633. Л. 113–114.
- ⁴⁸ ИсА ОО. Ф. П.-17. Оп. 1. Д. 2709. Л. 74–77.
- ⁴⁹ *Бугай Н. Ф. Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...»*. М., 1995. С. 80.
- ⁵⁰ ИсА ОО. Ф. 437. Оп. 21. Д. 131. Л. 46.
- ⁵¹ ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 161. Л. 18.
- ⁵² Там же. Д. 161. Л. 140; Д. 164. Л. 180.
- ⁵³ ИсА ОО. Ф. П.-17. Оп. 1. Д. 3833. Л. 17–18.
- ⁵⁴ Там же. Ф. Р-437. Оп. 21. Д. 131. Л. 51.
- ⁵⁵ ГАТО. Ф. Р-1821. Оп. 1. Д. 31. Л. 4.
- ⁵⁶ Государственный архив Югры. Ф. 118. Оп. 1. Д. 262. Л. 1. Сведения приводятся на ноябрь 1944 г.
- ⁵⁷ ГАТО. Ф. 1787. Оп. 1. Д. 4а. Л. 161.
- ⁵⁸ ИсА ОО. Ф. П.-17. Оп. 1. Д. 3833. Л. 17 об.; Ф. Р-437. Оп. 21. Д. 144. Л. 142.
- ⁵⁹ ГА ЯНАО. Ф. 264. Оп. 1. Д. 145. Л. 95–96; Государственный архив Югры. Ф. 118. Оп. 1. Д. 38. Л. 16.
- ⁶⁰ Государственный архив Югры. Ф. 118. Оп. 1. Д. 262. Л. 4; Д. 329. Л. 12.
- ⁶¹ *Земсков В. Н. «Кулацкая ссылка» накануне и в годы Великой Отечественной войны // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 22.*
- ⁶² См.: История сталинского Гулага: конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. Т. 5. С. 336; ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 / под ред. акад. А. Н. Яковлева, сост. А. И. Кокурин и Н. В. Петров; науч. ред. В. Н. Шостаковский. М., 2000. С. 272–296. (Россия. XX век. Документы).
- ⁶³ ГАТО. Ф. Р-1786. Оп. 1. Д. 11. Л. 128 об. — 129.
- ⁶⁴ ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 416. Л. 163.
- ⁶⁵ См. подробнее: ГАТО. Ф. Р-1726. Оп. 1. Д. 5. Л. 23–28.

Статья поступила в редакцию 21 февраля 2022 г.

Рекомендована к печати 20 октября 2022 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Иванов А. С., Михалев Н. А. «Ведомственные» спецпереселения в годы Великой Отечественной войны: механизм проведения и значение (на материалах Северо-Западной Сибири) // *Новейшая история России*. 2023. Т. 13, № 1. С. 39–55.
<https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.103>

Аннотация: В годы Великой Отечественной войны советская система мобилизации трудовых ресурсов функционировала в крайнем напряжении. При этом существование в стране обширной и многогранной системы принудительного труда неизбежно делало ГУЛАГ обязательным элементом процесса мобилизации и резко увеличивало роль различных категорий спецконтингента в общем балансе трудовых ресурсов. Одним из пользователей принудительного труда в период войны оказалась рыбная промышленность, развитие которой постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 6 января 1942 г. было включено в перечень государственных приоритетов. Настоящая статья посвящена изучению механизма реализации принудительных миграций для нужд конкретного ведомства (Наркомата рыбной промышленности) и определению их значения для регионов-реципиентов на примере Северо-Западной Сибири в составе Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов Омской (с августа 1944 г. — Тюменской) области. Выявлены особенности спецпереселений в 1942 и 1944 гг. Показано, что выполнение решений правительства привело к увеличению ведомственного веса и усилению роли Наркомрыбпрома в социально-экономическом развитии Северо-Западной Сибири: выросла доля работников рыбной промышленности в хозяйстве региона, была реформирована сеть продовольственного и промтоварного снабжения всего его населения, изменились практики организации централизованного жилищного строительства. Сделан вывод, что в результате проведения целевых спецпереселений Северо-Западная Сибирь обрела характеристики моноспециализированной территории, находящейся «под опекой» одного ведомства. Вместе с тем появление подобного монорегиона не снизило потенциала межведомственных конфликтов и не привело к выполнению государственных плановых заданий, тем самым цель государственной политики в этой части достигнута не была.

Ключевые слова: принудительные миграции, спецпоселенцы, Великая Отечественная война, СССР, ведомственность, рыбная промышленность, Северо-Западная Сибирь, ГУЛАГ.

Сведения об авторах: *Иванов А. С.* — канд. ист. наук, ст. науч. сотр., Тюменский государственный университет (Тюмень, Россия); 88d@bk.ru | *Михалев Н. А.* — канд. ист. наук, ст. науч. сотр., Тюменский государственный университет (Тюмень, Россия); n.mikhalev@mail.ru

Тюменский государственный университет, Россия, 625003, Тюмень ул. Володарского, 6

FOR CITATION

Ivanov A. S., Mikhalev N. A. 'Departmental Resettlements of Special Settlers during the Great Patriotic War: Mechanism of Realization and Significance (Based on the Materials of North-Western Siberia)', *Modern History of Russia*, vol. 13, no. 1, 2023, pp. 39–55.
<https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.103> (In Russian)

Abstract: During the Great Patriotic War, the Soviet system of labor force mobilization functioned in extreme tension. At the same time, the existence of an extensive and multi-faceted system of forced labor in the country inevitably made the GULAG an obligatory element in the mobilization process and dramatically increased the role of various categories of special contingent in the general balance of labor resources. One of the users of forced labor during the war was the fishing industry, the development of which was included in the list of state priorities by a decree of the Council of People's Commissars of the USSR and the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks of January 6, 1942. The article examines the mechanisms for the implementation of forced migration for the needs of a particular department (People's Commissariat of the Fishing Industry) and determines their significance for recipient regions as exemplified by North-Western Siberia consisting of the Khanty-Mansi and Yamal-Nenets national districts of the Omsk (since August 1944 — Tyumen) region. The article demonstrates that the implementation of government decisions led to an increase in the significance of

the department and to strengthening of the role of the People's Commissariat of the Fishing Industry in the socio-economic development of North-Western Siberia. As a result of special resettlements, North-Western Siberia acquired the characteristics of a mono-specialized territory, which was "under the care" of one department. Nevertheless, the emergence of such a mono-region did not reduce the potential for interdepartmental conflicts and did not bring about the planned indicators, thus the goal of state policy, in this part, was not achieved.

Keywords: Forced migration, special settlers, Great Patriotic War, departmentalism, fishing industry, North-Western Siberia, USSR, Gulag.

The research was prepared with the support of the Russian Science Foundation (RSF), project no. 20-78-10010 "Departmentalism as a factor in the history of the Russian North development (1930s–1980s): regionalism, conflicts of interest, institutional structures and identification strategies".

Authors: *Ivanov A. S.* — PhD in History, Senior Research Fellow, University of Tyumen (Tyumen, Russia); 88d@bk.ru | *Mikhalev N. A.* — PhD in History, Senior Research Fellow, University of Tyumen (Tyumen, Russia); n.mikhalev@mail.ru

University of Tyumen, 6, ul. Volodarskogo, Tyumen, 625003, Russia

References:

- Bacon E. *The Gulag at War: Stalin's Forced Labour System in the Light of the Archives* (London, 1996).
- Bell W. T. *Stalin's Gulag at War: Forced Labour, Mass Death, and Soviet Victory in the Second World War* (Toronto, 2018).
- Bell W. T. 'The Gulag and Total War in Western Siberia, 1940–1945' in *The Soviet Gulag: Evidence, Interpretation, and Comparison*, ed. Michael David-Fox (Pittsburgh, 2016).
- Bugai N. F. L. *Beria — to J. Stalin: "According to your instruction..."* (Moscow, 1995). (In Russian)
- Ermakov I. I., Pantyukhina E. A. 'Special settlers in the Ob North', *Arkhiv Urala*, no. 2 (4), 1996. (In Russian)
- Gizatullina L. F. *Deportation of peoples to North-Western Siberia in 1939–1956* [Candidate of History Dissertation] (Omsk, 2005). (In Russian)
- Goldman W. Z., Filtzer D. *Fortress Dark and Stern. The Soviet Home Front during World War II* (New York, 2021).
- Gorlizki Y. 'Governing the Interior: Extraordinary Forms of Rule and the Regional Party Apparatus in the Second World War', *Cahiers du Monde russe*, vol. 52, no. 2–3, 2011. <https://doi.org/10.4000/monderusse.9337>
- Ivanov A. S., Mikhalev N. A. 'Ethnic Deportations of the USSR Population in Modern Foreign Historiography', *Voprosy istorii*, no. 10, 2018. (In Russian)
- Khlevniuk O. V. 'Administrative practices in the Soviet rear: between centralization and autonomy' in *Sovetskii tyul 1941–1945: povsednevnaia zhizn' v gody voiny* (Moscow, 2019). (In Russian)
- Khlevniuk O. 'Decentralizing Dictatorship: Soviet Local Governance during World War II', *The Russian Review*, vol. 77, no. 3, 2018. <https://doi.org/10.1111/russ.12190>
- Kravchenko V. *I Choose Freedom. The Personal and Political Life of a Soviet Official* (London, 1947).
- Kropachev S. A., Krinko E. F. *Losses of the population of the USSR in 1937–1945: scales and forms. Domestic historiography* (Moscow, 2012). (In Russian)
- Marginals in the Soviet society. 1930s–mid-1950s*, eds S. A. Krasil'nikov, A. A. Shadt. 2nd ed. (Moscow, 2017). (In Russian)
- Mikhalev N. A. "Stalinist Genocide" (?): 1930–1940s Ethnic Deportations in the USSR in the Modern Foreign Historiography', *Uralskiy istoricheskii vestnik*, no. 4 (57), 2017. (In Russian)
- Sarnova V. V. *Forced migration of the population of the USSR to Western Siberia during the Second World War* [Candidate of History Dissertation] (Novosibirsk, 2005). (In Russian)
- Stepanov M. G. *Ethnic deportations in the USSR: problems of Russian historiography* (Abakan, 2010). (In Russian)
- Zemskov V. N. "Kulak exile" on the eve and during the Great Patriotic War', *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 2, 1992. (In Russian)

Received: February 21, 2022

Accepted: October 20, 2022